

Более десяти кораблей разного размера. На одном корабле с Фан Шу, помимо нескольких командиров, были также Стражи в парчовых одеждах и кавалеристы под его командованием. Большинство из них были северянами, привыкшими к ветрам и пескам, но даже их крепкие тела не смогли справиться с морской болезнью, и они, держась за палубу, начали блевать.

Увидев этих слабаков, Хо Тайлин снова нахмурился и уже собирался разразиться руганью, но Вэнь Сюаньцин остановил его, поспешно сказав:

— Морская болезнь — это неизбежно! Всё будет хорошо, когда мы сойдём на берег! Кричать на них бесполезно, они всё равно будут блевать! Неужели ты хочешь их убить?!

Увидев, как их начальник выглядит, словно злой дух, они с мольбой посмотрели на Фан Шу, стоявшего рядом. Ему было неловко. После той ночи они не говорили ни о чём, кроме маршрута движения, да и говорить было не о чём.

Впрочем, даже обсуждение маршрута было инициативой Лю Шуня, который пригласил его. Хо Тайлин презирал его и часто говорил:

— Что может знать такой литератор!

Этот Лю Шунь не полностью подчинялся ему, но боялся, что если что-то пойдёт не так, ему придётся нести ответственность в одиночку, поэтому и относился к нему с таким уважением.

Многие внизу были против того, чтобы литераторы командовали войсками.

Фан Шу подумал, что в худшем случае его отругают, но его жизнь пока в безопасности. Хотя, если Хо Тайлин затаит злобу и начнёт пакостить, это уже другой вопрос.

Он тоже подошёл и взял Хо Тайлина за руку.

— Ладно, давайте пойдём в каюту, посол ждёт нас!

Сегодня произошло нечто странное: Хо Тайлин не сказал ни слова, а просто развернулся и вошёл внутрь, уходя, он резко дёрнул руку, которую держал Фан Шу, хотя тот и не сильно его держал. Это было похоже на то, как ребёнок дуетя, пытаясь казаться грозным.

Но такого странного человека лучше не пытаться понять с точки зрения нормального человека.

Посол оказался китайцем, а не корейцем. Он был одним из тех офицеров, которые остались в Корее после вывода войск Великой Мин в 23-й год правления Ваньли. Король Кореи, чтобы показать свою лояльность к династии Мин, назначил некоторых из этих офицеров корейскими министрами.

В столице существовал Четырёхсторонний институт, подчинявшийся Академии Ханьлинь, где обучались студенты из Государственного университета. Он состоял из восемнадцати отделений, что показывало, что династия Мин была великой державой.

Переводчик из Корейского отделения временно был не нужен, но по пути Фан Шу многое у него узнал и уже мог понимать и говорить простые корейские фразы. Переводчик был около пятидесяти лет, и Фан Шу всегда почтительно называл его «господин Хань». Так постепенно все в лагере стали называть его господином Хань, и никто, кроме Фан Шу, не знал его настоящего имени. Помимо обсуждения языковых вопросов с Фан Шу, он просто читал книги и не привлекал к себе особого внимания.

Господин Хань тоже очень любил этого скромного и любознательного «Орхидеяного таньхуа», и между ними завязалась дружба, несмотря на разницу в возрасте.

Все сели за стол в каюте. После долгих дней на лошадях, в грязи и песке, мягкие подушки казались нереальными.

Чэнь Лайцюн с удовольствием вздохнул, и несколько человек засмеялись. Этот грубиян, поняв, что его заметили, начал фыркать, как бык.

Цао Ми указал на его задницу.

— Не знаешь, может, твой геморрой прошёл!

— Ха-ха-ха, — засмеялся посол. — Все вы проделали долгий путь! Только вот...

Фан Шу перешёл к делу.

— Как обстоят дела на фронте?

Всё внимание обратилось к нему.

— Всё сложно... Эти вокоу любят грабить и убивать, а король Кореи больше увлекается музыкой и танцами, чем управлением страной. Он не может защитить свой народ, поэтому полагается на нас, Великую Мин!

— Сказав это, посол покачал головой.

Слыша, как он говорит «наша Великая Мин», Фан Шу понял, что этот человек всё ещё скучает по родному дому. Он был одним из тех, кто давно не возвращался.

— Сколько лет вы уже не были дома? — с грустной улыбкой спросил Фан Шу. Тоска по дому — это естественное чувство, которое всплывает в моменты одиночества, и от него невозможно избавиться.

Их взгляды встретились, и они словно поняли друг друга. Посол медленно заговорил:

— Я приехал сюда в год Гуйсы. Несколько раз писал домой. Как мне вас называть, молодой человек?

Прошло уже пять-шесть лет, а он всё не возвращался.

Послу было уже за тридцать.

— Зовите меня Сяо Фан! Так меня называет и господин Хань, и мне это приятно.

Хо Тайлин почувствовал раздражение. Говоришь о чём-то, а потом не забываешь наладить связи.

— Сяо Фан тоже давно не был дома?

Фан Шу кивнул.

— Да, почти десять лет...

— Судя по всему, вы литератор? Я восхищаюсь вашей смелостью, что вы пошли в армию!

Фан Шу снова улыбнулся.

— Да что вы! Просто хочу внести свой вклад в защиту границ!

Хо Тайлину стало смешно. Ведь он был вынужден отправиться сюда по императорскому указу, а говорит, будто сам вызвался, готовый пожертвовать жизнью. Он не мог не восхищаться его наглостью и способностью приспособливаться. Этот лис был не слабее старого лиса Шэнь Игуаня.

В голове Хо Тайлина мелькнула мысль, и он пожалел, что не подумал об этом раньше. Ведь Шэнь Игуань боялся именно таких людей. Эти два похожих характера обязательно вызовут искру, и ему нужно будет «поддержать» этого «Орхидеяного таньхуа», чтобы новые волны смыли старые!

Если бы не его густая борода, все бы удивились его зловещей улыбке, которая, казалось, могла высосать костный мозг.

Они продолжили разговор, и речь зашла о гражданских и военных чиновниках. Поскольку посол тоже был гражданским чиновником, Цао Ми неосторожно сказал:

— На поле боя литераторы могут только наблюдать.

Фан Шу, конечно, был не согласен с этим, но на его лице всё ещё была улыбка, хотя внутри он кипел от злости. Он закатал рукав своего зелёного халата, обнажив довольно мускулистую руку.

Он знал, что Цао Ми нельзя ставить в неловкое положение на публике, поэтому обратился к Чэнь Лайцюну:

— Брат Кун, может, померяемся силой в армрестлинге?

Чэнь Лайцюн был силён, его нос был похож на бычий, а тело — на бычье!

Все были поражены, что Фан Шу выбрал самого сильного противника.

Вэнь Сюаньцин поспешил вмешаться.

— Господин Цао пошутил! Господин Фан, не принимайте это всерьёз!

Фан Шу улыбнулся.

— Конечно, я не принимаю это близко к сердцу. Просто хочу узнать, на что я способен. Если можно подружиться за вином, то почему бы не подружиться за силой? Брат Кун, только не сдерживайте себя!

Чэнь Лайцюн не был человеком с изощрённым умом, но когда дело доходило до испытания силы, он сразу оживлялся. До сих пор победить его мог только Хо Тайлин, а Вэнь Сюаньцин мог с ним только сразиться вничью.

Он уважал тех, кто мог с ним соревноваться, и, конечно, он не испытывал неприязни к Фан Шу, поэтому с готовностью поставил руку на стол, а остальные освободили место.

Хо Тайлин наблюдал за Фан Шу, который выглядел решительно. Его зелёный халат был тонким, и обнажённая рука была бледной, но с мужскими очертаниями, с выступающими венами, свидетельствующими о жизненной силе.

— Господин Фан, я не буду сдерживаться!

— Уважение к противнику означало, что нужно приложить все силы.

Чэнь Лайцюн посмотрел на всех.

— Нам нужен судья, а то господин Фан может не признать поражение!

Хо Тайлин шагнул вперёд.

— Я буду судьёй!

— Он подошёл к Фан Шу и ногой поправил его позу, чтобы он встал в стойку. — Твоя стойка неправильная, как ты будешь использовать всю силу?

Фан Шу был настолько ошеломлён, что даже замер.

— Спасибо... спасибо, господин Хо!

— Не только он был поражён, но и Вэнь Сюаньцин боялся дышать, опасаясь, что его старший брат хочет что-то задумать. К счастью, он больше ничего не делал.

К удивлению всех, Фан Шу продержался против Чэнь Лайцюна какое-то время, хотя в итоге проиграл, но это шокировало Чэнь Лайцюна.

— Не ожидал, что у господина Фана, который держит кисть, такая сильная рука!

Услышав это, Хо Тайлин внимательнее посмотрел на руку Фан Шу. Она действительно была бледной и длинной, не такой, как у тех, кто занимается боевыми искусствами.

Фан Шу сдерживал злость, это было далеко от его идеала, но он всё ещё улыбался.

— Брат Кун, у тебя действительно сильная рука! Я... опозорился!

Чэнь Лайцюн обнял Фан Шу с силой, даже толкнув его грудью, и Фан Шу почувствовал, как его лёгкие сжались. Чэнь Лайцюн, увидев, что он побледнел, сказал:

— Мы, грубияны, после соревнования всегда так заканчиваем! Извините, если напугали вас, господин Фан.

Фан Шу прижал руку к груди, махая другой.

— Нет, это не из-за вас. Просто что-то давит на грудь.

— Что-то в парчовом мешочке давило на него. — Ничего, ничего!

<http://bllate.org/book/15514/1378015>